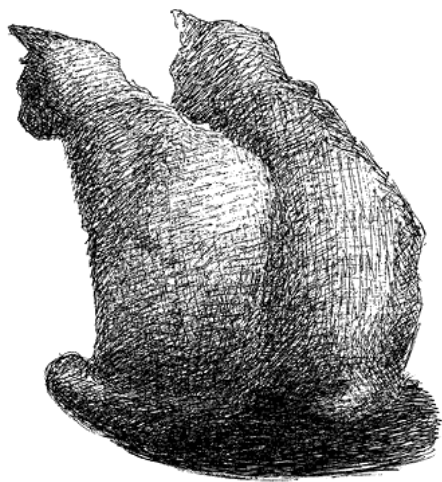

Гермионе, Платону
и всем ушедшим друзьям

Григорий Служитель

ДНИ
САВЕЛИЯ

Роман

Москва
АСТ
2021

УДК 821.161-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С49

Евгений Водолазкин

Дни Григория

Художественное оформление *А. Николаенко*
Перевод фрагментов на киргизский *А. Асанбековой*

Служитель, Г.

С49 Дни Савелия : роман / Г. Служитель ; [пер. фраг. А. Асанбекова]. — Москва : АСТ, 2021. — 220 с.

ISBN 978-5-17-135538-8

Григорий Служитель родился в 1983 г. в Москве. Закончил режиссерский факультет ГИТИСа (мастерская Сергея Женовача), актер Студии театрального искусства, солист группы *O'Casey*. «Дни Савелия» — его первая книга. А нашел эту рукопись Евгений Водолазкин и написал предисловие.

«Коты в литературе — тема не новая. Не буду перечислять всех, кто писал об этих священных животных, — от Кота Мурра Эрнста Теодора Гофмана и до Мури Ильи Бояшова. И вот теперь Савелий. Мы-то понимаем, что за котами всякий раз просвечивают человеки. Герои Служителя — кто бы они ни были, коты или люди — настоящие. Одинокие и страдающие, смеющиеся и любящие. Любовь в этом романе заслуживает особых слов. Она — так уж сложилось — платоническая. Самая высокая из всех любовей». (*Евгений Водолазкин*)

УДК 821.161-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-135538-8

© Г. М. Служитель, 2021
© А. В. Иллюстрации Николаенко, 2021
© Перевод А. Асанбекова, 2021
© ООО Издательство «АСТ», 2021

Обнаружив в своем почтовом ящике текст с названием «Дни Савелия», я по привычке попытался угадать, о чем он. Ассоциации шли в двух направлениях — прозы исторической и деревенской. Если иметь в виду «Дни Турбиных», скорее все же исторической.

Роман оказался о коте. Прочитав несколько начальных абзацев, я уже не смог оторваться. Дело было не в коте (котов я люблю бесконечно), а в качествах самого текста. В нем не было обычных для начинающего литератора петухов — звучал мощный, спокойный голос мастера.

Обладатель этого голоса — Григорий Служитель, актер Студии театрального искусства. Когда впоследствии я предположил, что это, вероятно, не первый его роман, он ответил, что — первый. Такой вот случай из области театрального искусства. Не знаю, как это возможно.

Впрочем, тут ведь не просто студия — Театр Женовача. Он имеет к литературе особое ухо, ведь большая часть спектаклей Сергея Васильевича — это инсценировки литературных текстов. Не убежден, что завтра этот театр в полном составе войдет в русскую литературу, но то, что автор «Дней Савелия» оттуда, — симптоматично.

Актеры и писатели очень похожи: и те, и другие играют чью-то жизнь. По-разному, но играют. Писатели влезают в шкуру солдата, парикмахера, президента — и на время становятся и тем, и другим, и третьим. В любом создавае-

мом тексте им приходится исполнять абсолютно все роли. Их игра прекращается с поставленной в тексте точкой. У актеров, напротив, именно в этот момент она начинается.

Писатели — существа малоподвижные, с трескучими непоставленными голосами. Жесты их никудашны. Отдавая себе в этом отчет, они неохотно читают свои тексты в присутствии актеров. Скупыми сценическими средствами (опущенный взгляд, поднятая бровь) актеры доносят до писателей свое мнение об их исполнительских качествах.

Вместе с тем и создание текста актерами — дело не самое распространенное. Актеры знают, что для таких случаев у писателей, несмотря на бедность мимики, всегда найдется выражение светлой грусти. Четкое разграничение сфер деятельности — условие симбиоза писателей и актеров.

Но бывает так, что талантливый актер и талантливый писатель соединяются в одном лице. И тогда оба дара начинают взаимодействовать, усиливая и взращивая друг друга. Так сложилось у Григория Служителя. Как литературовед, я не оставляю попыток объяснить рождение писателя в полной творческой зрелости. Я мог бы предположить, что произнесение со сцены хороших текстов воспитывает в человеке литературный стиль — независимо от того, пишет он или нет. Но (не как литературовед) думаю, что настоящий дар по большому счету не имеет объяснений.

Коты в литературе — тема не новая. Не буду перечислять всех, кто писал об этих древних и неприкосновенных животных, хотя мысленно и веду их учет. Не стану также говорить о том, что за котами всякий раз просвечивают человеки, и даже не упомяну остранение по Шкловскому. Скажу лишь, что герои Служителя — кто бы они ни были, коты или люди — настоящие. Одинокие и страдающие, смеющиеся и любящие. Любовь в этом романе заслуживает особых слов. Она — так уж сложилось — платоническая. Самая высокая из всех любовей.

Читая «Дни Савелия», ловил себя на мысли, что в этом романе автор стал полноценным котом. Занятие для столичного жителя нехарактерное, можно сказать — экзотическое, а вот для писателя — очень важное. Своим романом он доказал, что отныне может перевоплотиться в кого угод-

но, а мы, сидящие в партере, будем затаив дыхание следить за его превращениями.

Будем плакать и смеяться. И радоваться тому, что в нашей литературе появился такой Савелий.

Ну, и такой Григорий, конечно.

I. Особняк

Если бы мне снова довелось иметь ребенка,
я хотела бы доверить его судьбу этому учреждению.

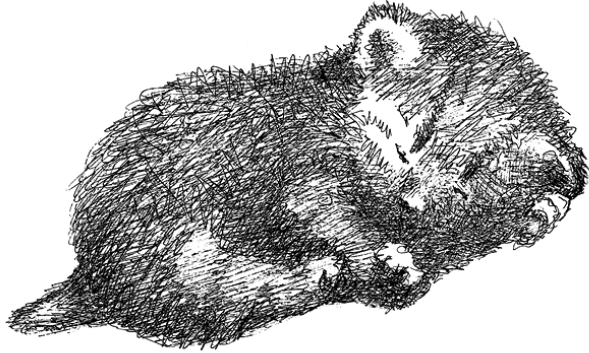
*Запись Клементины Черчилль
в «Золотой книге» роддома
им. Клары Цеткин*

*Вспомнишь ли наши ясные дни?
Вспомнишь ли, как мы ежедневно
встречали солнце на Яузе,
а провожали его на Большой Полянке?
Вспомнишь ли наши неспешные прогулки
вдоль Бауманской?
Вспомнишь ли, как согласно мы
помавали хвостами, спускаясь по Басманной?
Улыбнешься ли, как в тот час, когда первый луч
падал на золотой купол Никиты Мученика
и слепил твой изумрудный глаз?
Вспомнишь Покровку, Солянку, Хохловку?
Господи, где-то оно все?
Где-то оно все?*

Признаюсь, с самого начала я был отмечен редкой для своих соплеменников особенностью: я узрел божий мир даже раньше, чем в него попал. Точнее, не мир, а те временные апартаменты, которые называются материнской утробой. С чем их сравнить? Это было... это было так, будто находишься внутри теплого пульсирующего апельсина. Сквозь мутные слюдяные стенки я мог разглядеть силуэты своих сестер и брата. И я тогда не был уверен, что они — не я. Потому что я никакого еще и не было. А чем было то, что не было даже мной, я ответить затрудняюсь.

Откуда-то издалека доносился гул. Недружественный мне гул. Я даже иногда пытался как мог закрыть уши лапами. Точнее, то, чем тогда были мои уши, и тем, чем были лапы. Надо сказать, что лапы тогда мало чем отличались от ушей, а уши мало чем отличались от хвоста. Да и вообще, тогда мало что чем-то от чего-то отличалось. Всё было ровным и теплым. Всё было всем. Чудесное неотличие. Ничто себя не знало и ничто никак не называлось.

Конечно, я не понимал, что расту. Вместо этого я думал, что уменьшается в размерах моя обитель. Я вполне весело проводил время и, если бы мне дали право выбора, скорее всего, предпочел бы остаться. Хотя я сейчас это сказал, а ведь, уже родившись, мне часто казалось, что я так и не покинул родовую оболочку. Как бы то ни было, Ему

зачем-то понадобилось, чтобы эту почву топтали еще четыре лапы, чтобы этот мир наблюдала еще одна пара глаз (прозревших, как и было уже сказано, раньше положенного срока), и все это в триллион первый раз пытался привести в мысленный порядок пускай и небольшой, но весьма эффективный клубок кошачьих мозгов.

Кажется, я немного забежал вперед. Позвольте, я опишу обстоятельства, окружавшие первые рассветные недели моей жизни*.

Итак, мамочка разрешилась мной, братиком и еще двумя сестричками в июне. Роды происходили легко и быстро: почувствовав, что «началось», она забралась под накрытый брезентом «запорожец» и приготовилась ждать. «Запорожец» стоял на одном месте долгие годы, и асфальт под колесами просел, а брезентовый колпак кое-где прохудился. У «запорожца» не хватало ни руля, ни сидений, ни фар, ни пепельницы, ни педалей, ни стеклоподъемных ручек, ни иных внутренних органов. Так он и стоял, обглоданный и обобраный, как труп дикого животного в лесу. Где-то был теперь его хозяин? Вот о чем думала моя мамочка,

* Эта повесть вообще грешит как частыми забегами вперед, так и, наоборот, неуместными слезливыми ностальгическими ретроспекциями, в ущерб сюжету и здравому смыслу.

ожидая начала родов. Накрапывал грибной дождик, но прежде чем он перестал, мы уже родились.

Мир не содрогнулся от моего прихода, колокола в небесной выси не загудели. Кстати, о небесной выси. За городом в то лето горели торфяники, и небо было затянуто желтым смогом. Но другого неба я не знал, и потому оно мне казалось прекрасным. И вот из тумана проступили очертания маминой морды.

Мамочка носила красивое имя Глория. Она была совсем молоденькой. Она имела короткий, гладкий мех темно-серого цвета. В синих глазах застыли точки, которые увеличивались и чернели в минуту гнева или опасности. Над правой бровью проходила белая косая линия, сообщавшая всему ее существу какое-то трагическое выражение. Усы были длинные, не осекшиеся — мамочка всегда умела следить за собой, даже в самые тяжкие времена. Она обнюхала каждого из нас и тщательно облизала. Затем убрала послеродовую субстанцию и по очереди перенесла каждого в приготовленную заранее коробку из-под бананов. Похожие на слипшиеся леденцы монпансье, мы тихо пищали и млели на солнце. О, моя коробка! Моя колыбель, подбитая тополиным пухом, пахнувшая подгнившими бананами Chiquita. Вместилище детских грез, чаяний, страхов и прочее, и прочее. Пользуясь преимуществом зрения, я опередил других котят — выбрал любимый сосок (левый, во втором ряду) и сразу же к нему припал. Мама мягко отодвинула меня задней лапой и спросила:

— Ты что, меня видишь, сыночек, да? Ты меня видишь?

— Да, мамочка! Не буду врать, я очень хорошо тебя вижу. Можно даже сказать, прекрасно! — ответил я и засосал молоко пуще прежнего. Мамочка задумалась.

— У котов так не бывает.

Я сделал еще глоток, вытер губы о мамин подшерсток и ответил:

— Да, мамочка, ты совершенно права! У котов так не бывает! Мне кажется, природа распорядилась так, чтобы этим частным исключением лишний раз подтвердить общее для всех котов правило!

— Ты уверен, сыночек?

— Нет, мамочка, совсем не уверен.

Насытившись, я прилег на бок и задумался. Негоже коту, пускай и возрастом всего лишь в несколько часов, ходить без имени.

— Мамочка, как меня зовут?

Она подумала и сказала, что меня зовут Савелий. Почему она назвала меня Савелием? Не знаю. Наверное, в честь своего любимого трехпроцентного творога «Савушка», которым она питалась на протяжении всей беременности. Этот творог выносила на задворки магазина «АБК» кассирша Зина, и мама говорила, что это спасло нас от голодной смерти. В знак благодарности котолобивой женщине она назвала одну мою сестренку Зиной, а другой сестренке дала имя АБК. А вот брата не успели никак назвать, потому что... В общем-то, он даже не успел понять, что родился. И возможно, с его точки зрения (если бы она у него была) это и хорошо. Потому что, когда вы еще настолько близки к одному краю небытия, другой его край не так уж сильно пугает. Ведь страх — это предчувствие утраты, а если у тебя еще ничего нет, то и бояться нечего. Думаю, и мама это понимала, и поэтому смерть сына не стала для нее трагедией. Она обратилась к похоронной бригаде кротов, и те предали брата земле в саду у большого тополя. Котовий век недолог. Судьба всегда чешет нас против шерсти.

Жизнь началась в старом купеческом районе Таганки, в Шелапутинском переулке, на высоком берегу Яузы. Наша коробка примостилась у старого особняка Морозовых. Да, мой знаменитый тезка — негоциант, театрал и самоубийца — отпрыск именно этого рода. Здание девятнадцатого века к началу нового тысячелетия совсем обветшало и обрюзгло. На фасаде болталась рваная строительная сетка, окна чернели копотью отбушевавших пожаров. Чердак облюбовала пара грачей. Круглое окошко на фронтоне бережно поддерживали по бокам два пухлейших купидона, и грачи, высунув наружу свои клювы, выглядели совсем как фамильный медальон. По уцелевшему кое-где рельефу неслась вприпрыжку стая нимф. За нимфами гнались и никак не могли их нагнать два разнузданных сатира. Голова и свирель у одного из сатиров давно отвалились, а одна

нимфа потеряла на бегу ступню и колено. Веселый сюжет рельефа несколько контрастировал с назначением постройки: при Морозовых — богадельня для всех сословий, при советской власти — родильный дом имени Клары Цеткин. Особняк окружала пузатая чугунная ограда, и дубы протягивали свои ветви сквозь прутья, словно голодные заключенные за миской баланды.

Особняк хранил много историй. Например, кроты рассказывали, что в восьмидесятые заброшенное здание стал посещать молодой студент Суриковского училища, некто Белаквин (училище находилось совсем неподалеку, в Товарищеском переулке). Студент расставлял сопутствующие своему ремеслу причиндалы: треногу, мольберт, палитру — и полдня переводил свои впечатления от живописных руин на холст. Трудно сказать, насколько успешно складывалась его карьера рисовальщика, но только к концу нулевых он, уже пожилой, полный, со всклокоченной бородой мужчина, почему-то решил избрать развалины роддома местом своего постоянного проживания. Что-то его сюда влекло. Тянуло. Что именно? С годами я понял: рано или поздно мы становимся похожи на то, что любим.

Так очарованный увяданием молодой художник решил превратить в руины и собственную жизнь. Кроты добавляли, что где-то в особняке он обрел свой вечный покой. Впрочем, никто его праха не видел, поэтому кротам не удалось его похоронить.

Итак, ларчик открылся. И теперь наступила счастливая пора первоначального накопления. Камешки, травинки, спички, обрывки света и нот, сны и предсонья, пыль, пух, огни и темноты. Все это бережно собиралось, укладывалось и оседало на илистом дне моего сознания, чтобы обналичить меня, обозначить меня, утвердить меня. Моя никчемная казна, призрачное богатство. И какое мне дело, что со временем от надежд останутся только догорающие костры на холмах. Но это все потом, потом.

А сейчас... Да, сейчас мир принял меня благосклонно, и как бы в подтверждение этого мойщицы окон широкими размашистыми движениями приветствовали мой приход. С балкона дома напротив доносился музыкальный мотив.

Точнее, allegro из концерта L'amoroso Антонио Вивальди. Обитатель четвертого этажа, вдовец и мизантроп Денис Алексеевич, слушал этот концерт с утра до вечера. Мне кажется, он был невысокого мнения о мире, в котором ему довелось оказаться шестьдесят четыре года назад. Да, он не давал нашей Земле ни единого шанса. Но он любил музыку. Он установил старый проигрыватель «Вега-117» на балконе, а колонки развернул на улицу. Звуки музыки оглашали округу и, по справедливому мнению Дениса Алексеевича, хоть как-то облагораживали безнадежные души шелапутинцев. То был поистине гимн моего младенчества! Да что это я! Вот, послушайте сами. Чуть-чуть, самое начало:

Прекрасно, да? Как я любил эту музыку! Я выстроил свою жизнь сообразно пропорциям L'amoroso. Во время обеда я попеременно нажимал правой и левой лапой на мамину грудь в темпе allegro: молоко поступало в меня то протяжными долгими legato, а то короткими порциями staccato. В урочные часы я кружился за собственным хвостом в темпе концерта. Я перепрыгивал трещинки в асфальте, стараясь приземлиться на сильные доли! Okрепнув, я научился сам подбираться под окна Дениса Алексеевича, чтобы лучше слышать звуки музыки, и тогда мне казалось, что даже голуби расселись на проводах в порядке нот из моего любимого опуса.

Маме не нравились мои отлучки. Хотя общественный транспорт почтительно обходил наш переулок стороной, а машины проезжали редко, но тем опаснее было их вне-

запное появление. Мама подбегала ко мне, хватала за шкурку и волокла назад в коробку. Пока она несла меня, я раскачивался в воздухе: синь небес — зелень трав, синь небес — зелень трав. Кувырок — дно коробки.

Я скоро научился превращать наказание в развлечение. Оказавшись в коробке в очередной раз, я плотно закрыл верхние створки, проделал в стенках множество отверстий и сел наблюдать за внешним миром. Солнечные лучи насквозь простреливали мою темную обитель с четырех сторон. Я получал невыразимое удовольствие от того, что был и не был одновременно. Из углов тянуло банановой прохладой. Я подставлял морду под горячие лучи и чихал. Через дырки я видел, как сестры мирно пасутся на лужайке; как подростки поджигают борозду пуха вдоль тротуара. Действенный мир радовал, успокаивал и обещал принять меня на моих же условиях. Я думал, не есть ли эта радость к жизни как бы предварительный аванс, обещание последующей награды? Или наказания? Что по сути одно и то же, когда на кону вопрос: а будет ли вообще хоть что-то, будет ли это grand après,* или его так-таки не будет? А уж какое оно там, велика ли разница?

— Савва! Коты — хрупкие, беззащитные существа, — говорила мне мама. — Когти и клыки дают нам преимущество только перед теми, кто слабее нас. Перед механизированным транспортом мы ничто. Не искушай судьбу. Никаких девяти жизней у тебя нет! Не считай, сколько из них ты успел израсходовать. Савва, будь смел, но осторожен и рассудителен!

— Дорогая мамочка! Я хотел бы еще добавить, что жизнь не просто одна, но даже какая ни есть, она с каждым днем все убывает и убывает, как вода в дырявом корыте. Ведь мы не начинаем нашу жизнь каждый день. Мы продолжаем звучать, послушные чьему-то нажатию клавиши. А потом медленно затихаем. Сколько продлится моя фермата? Сколько? — обращал я вопрос в пустоту, так как мама скрылась и меня уже никто не слышал...

Ах, эти многоточия. Благословенны времена, когда многоточиями сочинители прошлого усеивали страницы своих

* Великое после (фр.).

повестей и соринки неизвестного происхождения. Все это поднималось в воздух и летало, летало.

Вскоре Абдуллох заметил нашу коробку. Он заглянул внутрь и сказал: «Ай, какие маленькие и весьма хорошие коты!» Потом сходил в «АБК» и вернулся с бутылкой воды и большой пачкой котячьего корма. Он вывалил желе на газету, и я тут же принялся за еду, одновременно уясняя себе политическую обстановку в стране и мировые цены на углеводороды. Потом я лег отдохнуть в кусты. Дворник почесывал пальцем мой живот, а я так называемым периферийным зрением ловил малейшее колыхание резеды, боярышника, поспевающей вишни и орешника*.

Наш сад был удивительно толерантен к самым разным видам флоры: бересклет счастливо уживался с лабазником, недотрога обыкновенная не причиняла никакого вреда шиповнику и, вы не поверите, ирга мирно делила почву с лапкой двудомной. Плотным кольцом вокруг сада росла крапива. Абдуллох неспешно организовывал пожухлую листву в небольшие кучки. Когда на щеках Абдуллоха намечалась тень щетины, это означало, что его рабочий день подходил к концу. Он складывал кости в бархатный мешочек и удалялся прочь. Через его плечо была живописно перекинута метла, а свободной рукой он бил в невидимый бубен в ритм какой-то только ему слышной мелодии. Абдуллох исправно кормил нас каждое утро в восемь часов утра.

Но он был не единственным, кто оказывал посильную помощь нашей семье. Около полудня, услышав оклик, мы бросали игры, собирались возле мамочки и следовали за ней через дорогу, на угол дома 45, строение 2. Вскоре из-за поворота появлялся Митя Пляскин, котолуб и расклещик рекламы милостью Божией. Длинные ноги его помещались в кроссовки о трех липучках. На преждевременно облысевшей голове была тряпичная кепка с пластиковым козырьком, поднятым вверх, на носу — большие старомодные очки с изогнутыми дужками. Он носил серые брюки клеш, вязанный жилет, а под ним — неизменную желтую рубаш-

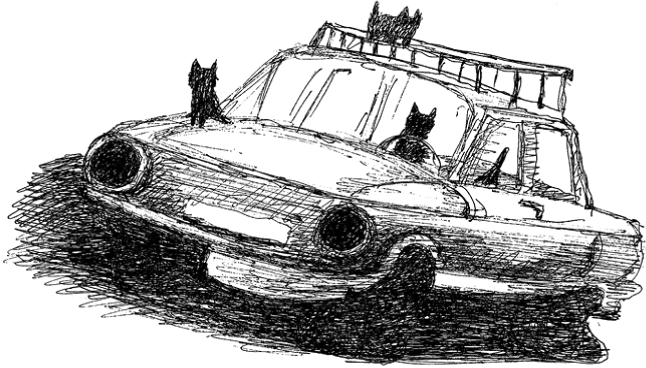
* Да, вишня у нас поспевала на пару месяцев раньше, чем в других районах Москвы.

ку. Через плечо Мити был протянут ремешок, сбоку на нем болталась старая кожаная португепя. Митины ладони всегда были молитвенно сомкнуты на груди, пальцы касались друг друга, как будто Митя обдумывал коварный план, рот приоткрыт, а взгляд выражал чувство легкого удивления.

Митя расклеивал на столбах и стенах объявления о сдаче, найме, съеме и продаже. Способ расклейки объявлений заслуживает особого упоминания. Сначала Митя долго примерял на глаз будущий участок работы: так и эдак наклонял голову, складывал пальцы в рамку. Затем наступала практическая фаза. Митя тщательно проходил шпателем по поверхности, счищая с нее ошметки старой рекламы, и уже тогда только наносил клей буквой Х и, аккуратно помогая себе валиком, наклеивал листок. Ни единого пузыря, ни единой складки. И последнее: ножницами, в строгом соответствии с пунктирными линиями, Митя надрезал объявления снизу. Потом они еще долго трепетали на ветру бахромой телефонных номеров. Трепетали, пока не превращались в те же самые ошметки, которые Митя аккуратно счищал, чтобы наклеить на их место новое объявление. Но квартиры в нашем районе почему-то не пользовались особенной популярностью, поэтому труд Мити был до некоторой степени бессмысленным.

«Котики мои маленькие! Котики!» — радостно восклицал Митя и постукивал запястьем о запястье. Он поднимал по очереди в воздух каждого члена семьи, включая мамочку, троекратно целовал нас в усы и гладил область лба. Потом сочувственно прижимал к щеке ладонь лодочкой и говорил: «Вы же голодные!» Мы громко соглашались с Митей. Тогда он, размахивая руками, спешил в «АБК». Стеклопанная дверь еще продолжала раскачиваться, а он уже выбегал обратно, неся в руках трехпроцентный творог «Саввушка» и пакетик с желе для котят.

И конечно, надо еще раз упомянуть о кассирше Зине. Помимо провианта, которым она снабжала мамочку в пору ее беременности и в первые, наитруднейшие месяцы нашей жизни, это именно она преподнесла нам в дар коробку из-под бананов Chiquita. Безвозмездно. Сходила на склад и принесла пустую коробку. И это несмотря на то, как тя-

жело сейчас с недвижимостью в Москве. Если бы вы знали, как тяжело.

Вот они — три наших главных благодетеля!

Обед (как и завтрак, и полдник, и ужин) проходил в узком семейном кругу. За столом мы делились впечатлениями дня, обсуждали планы на сегодняшний вечер, на завтрашнее утро: куда совершить прогулку, где встретить закат. Но что бы мы ни решили про любой другой день недели, каждое воскресенье мы отправлялись в район Сыромятнического шлюза, где проживала мамина сестра, а наша тетя Мадлен. Накануне вечером я специально ложился спать рано, чтобы поскорее наступило заветное утро. Как только мама облизывала мой лоб, я сразу засыпал, полный таинственной неги и трепета перед завтрашней прогулкой. Я очень любил тетю Мадлен. И, признаюсь, еще больше, чем тетю, я любил наше путешествие к ней.

Ранним утром, когда туман еще стелился в низине за особняком, когда в воздухе еще стоял густой звон колоколов Мартина Исповедника, мы уже выбирались из дому. Погонявшись за хвостом в ту, а потом в другую сторону, мы оставляли физические упражнения и шли завтракать. Затем, посидев и помолчав минутку, выступали в путь.

Во главе отряда бодрым аллюром шла мамочка, затем ковыляла сонная АБК, ее подгоняла Зина, а замыкал процессию я. Дорога в сторону шлюза, с остановками на отдых, занимала около часа. Кратчайший путь лежал через склон

сразу за особняком, но мамочка справедливо рассудила, что дети могут поскользнуться на листе.

Позади зевнул ржавый мусоропровод, и содержимое ведра с грохотом полетело вниз. Мы шли и шли. Когда же мы уже дойдем? Как долго. Уж и влага почти остыла. Витюша пробовал меня успокоить, пытался провести по моей спине большим пальцем, но вместо меня гладил складку полотенца. Он что-то все говорил и говорил. «Сейчас мы котика накормим. Напоим. Сейчас котика будет хорошо!» Я задрожал. Мне действительно очень сильно хотелось есть. И пить. И почему-то спать. Прощайте все.

Наконец мы остановились на лестничной клетке. Встали перед дверью, обитой кожзаменителем и туго затянутой леской в пухлые ромбики. Витюша нажал на звонок. Он разлился соловьиной трелью. Сбоку от меня на стене висел электрощиток. Через его окошко я видел, как бешено крутится кольцо счетчика с красной отметкой. Издалека нарастало шарканье чьих-то тапочек. Звук замка. Что теперь со мной будет? Что? То ли я потерял сознание, то ли провалился в сон. Но как я оказался в квартире, я не помню.

II. ВИТЮША

Я очнулся на чем-то мягком. Открыв глаза, я обнаружил, что лежу на подстилке в плетеной корзине. Я поднял голову. Рядом на полу стояли металлические миски с водой и сухим кормом. Тут же была еще одна чашка с каким-то желе. Очевидно, все это было куплено не сегодня. Посуда блестела, а с корзинки даже не успели снять бирку. То есть Витюша уже давно вынашивал план похищения котенка. Успел подготовиться.

Первым делом я, разумеется, хорошенько подкрепился и оглядел свое новое жилище. Паркет елочкой. На подоконнике цветы. Белая стеклянная люстра, имитирующая тряпичный светильник. Компьютер в углу. Между окон вывешен горный пейзаж, составленный из пазла, кое-где кусочки отсутствуют. Шкаф-стенка. На полках выставлены хрустальные сервизы, памятные тарелки и керамические безделушки. Электробритва с нацарапанными словами «Артемю Артемовичу, с 30-летием Победы, от сослуживцев».

И как же все быстро произошло. Как быстро. Я слышал шаги и бросился обратно в корзинку. Дверь отворилась. Тихо вошел Витя. Я притворился спящим.

— Август? Август? Ау!

Очень интересно.

— Август! Просыпайся. Хватит спать.

Август, значит. Ну здравствуй, новый я. Я вспомнил слова тети Мадлен: «Бывает хуже. Бывает гораздо хуже». Ну

что ж. И то верно, бывает гораздо хуже. Август так Август. Ладно. Надо привыкать к новому имени, новому жилью. Я посмотрел на своего патрона. На своего первого патрона! У него были большие чёрные глаза и до того покатые плечи, что фигура его напоминала узкую винную бутылку. Он был сутул, колени как-то странно согнуты, а в своих длинных руках он как-будто нес невидимые ведра по шесть пудов каждое.

— Слушай, а откуда у тебя этот шрам?

— А?

— Откуда у тебя этот шрам над бровью?

— Да так, подрался в детстве.

— М-м, подрался в детстве. Понятно.

Когда у Лены настал срок, пришлось ехать в другой район, потому что роддом имени Клары Цеткин уже давно пустовал. Неожиданно взялся помочь брат Сережи Боря. Он привез Лену и ее маму в роддом на машине. Оплатил дополнительные расходы. Когда все кончилось, передал ей огромный букет и игрушечную собаку. Такие же букеты и собаки лежали почти у каждой койки в палате, потому что покупали их в одном и том же магазине подарков за углом, но Лене все равно это было приятно.

Оказанные услуги почему-то убедили Борю, что теперь он имеет на Лену некоторые права. Боря наезжал к ней не реже двух раз в месяц. Он всегда был сильно пьян. Делился своими успехами в бизнесе (Боря торговал брянским комбикормом) и хвастался связями в криминальном мире. Все норовил выпить с Леной на брудершафт, тянулся ее поцеловать. Каждый раз говорил, что их пути с женой вот-вот разойдутся и что он хочет изменить свою жизнь. Лена не поддавалась, но после его ухода обнаруживала у зеркала в коридоре конверт с деньгами. Это было кстати. Денег в семье было мало. Отучившись на филолога, Лена не смогла найти работу по профилю. Она работала в автосалоне: редактировала договоры и контракты. Ее мама оставалась дома с внуком и переводила с английского дешевые детективы.

Вечерами Лена грела руки над конфоркой, потом брала диск, на обложке которого была изображена полуголая во-

ительница, оседлавшая дракона на фоне пурпурного заката, а внизу оттененным курсивом было написано Romantic Collection. Лена включала любимую песню Scorpions «Still Loving You». Песня играла на повторе много раз. Лена думала о том, что место самого Сережи в памяти все больше занимают его окрестности: любимые сигареты Lucky Strike, джинсовая куртка или привычка чертить пальцем по воздуху, на поверхности стола или на стене всякие невидимые формулы. Но само его лицо почему-то вырисовывалось каким-то смазанным. прочел, что когда Чингисхан выходил по утрам из крошечного мрака юрты, то перед ним выстраивался коридор рабов, которые держали перед правителем шелковые платки всех цветов радуги — от самого темного до самого светлого. Так глаза Чингисхана постепенно привыкали к яркому степному солнцу. И так же Витя привыкал к своему чувству.

Однажды ночью он не выдержал. Сел за компьютер и одним выдохом, не отводя глаз от клавиатуры, настроил письмо и тут же, не проверяя, отправил. Письмо было следующего содержания:

Ljhjufz^ >kz! Vjz;bpym,tp nt,z yt bvttn cvsckf! Z nt,z jxty mcbkmyj k.,k.& Z ghjie nt,z cnfnm vjtq&.*

Потом он сел у окна, положил локти на подоконник и стал ждать ответа. Грачи тихо беседовали в круглой люкарне роддома. Безголовые сатиры устало, нехотя, но все-таки преследовали сонных нимф. Витя глядел на небо. Луна восходила каждую ночь. Каждую ночь. Исчезала утром, чтобы непременно, во что бы то ни стало вернуться вечером, как пятно в Кентервильском замке. Звезд видно не было, но Витя знал, что они где-то там, за крышами, светят себе без страсти и желания, как актер в бесконечном сериале, которому осточертела и слава, и деньги, но который обязан выполнять свою работу согласно контрактным обязательствам. Было так тихо, что Витя слышал, как у соседей сверху завибрировала эсэмэска. Витя решил про себя, что если тень от ветки коснется стола, то Юля будет с ним.

* Дорогая Юля! Моя жизнь без тебя не имеет смысла! Я тебя очень сильно люблю. Я прошу тебя стать моей.

Будет с ним... Что это значит — будет с ним? Она вдруг, ни с того ни с сего, обнаружит в нем какие-то не замеченные раньше преимущества? С чего бы это? Она переоценит... Раздался звук полученного сообщения.

Витя вернулся к компьютеру и прочитал: «Витя, прости, никаких романтических отношений у нас с тобой не будет, а просто общаться мне с тобой тяжело».

Витя посмотрел на стол: тень от ветки то накатывала на него, широко расплываясь по всей поверхности, то отступала назад. Что же теперь делать? Как себя заново обрести? Что-то тяжелое и темное поднималось из глубины; что-то нехорошее вызревало, стучало и надвигалось снизу, как расшатанный старый лифт, скрипя несмазанными тросами, постукивая о балки. Что же это было? Предчувствие грядущих поражений, будущих провалов, безоговорочных капитуляций. Вот его удел. Пустить сигнальную ракету, собрать остатки верных ему частей? Напрасно. Каких частей? Не было у него никогда никаких частей. На что он рассчитывал? Чего он ожидал? Ложная надежда. Глупая самоуверенность. Зачем же он согласился проехать по этой дороге, зная наперед каждый ее камешек, каждый изгиб, каждую рытвину и неровность? Предвидя, предчувствуя печальный итог путешествия. И вот его старинный драндулет, пытая и пуская черные выхлопы, отчаянно сигналил клаксоном, неумолимо въезжает в болото. И под лягушачий реквием и последние напутствия кулика торжественно опускается в трясину. Навсегда.

Близится последний звонок, ЕГЭ, потом они перестанут видиться. Надо как-то прожить оставшиеся недели. Они поступят в разные институты или лучше, чтобы его забрали в армию. Так их пути навсегда разойдутся. Поскорее бы. Поскорее бы. Но, возможно, когда пройдет много-много лет, окажется, что эта любовь была похожа на брошенный в воду камень, круги от которого будут расходиться всю его жизнь.

На одной из многочисленных полок Витино шкафа я увидел фотографию. Шелапутинский переулочек. Снежный день. Особняк Морозовых. Почти все руки и ноги у купидонов целы, головы и плечи у нимф на месте. Мой

родной «запорожец». Еще без брезентового колпака, все внутренние органы в порядке, колеса накачаны. С забора выглядывают грачи — совсем птенцы. Сережин брат Боря держит в руке два фужера накрест, как маракасы, и дирижирует участниками съемки. Мама бережно обнимает куля с новорожденным Витюшей, тут же бабушка Раиса неловко пытается спрятать сигарету. Еще живой дедушка Артем. Смотрит куда-то вон из кадра, как будто предчувствует скорую кончину. Две подруги Лены в одинаковых серых пальто и мохеровых капорах. Почему-то держатся за руки. Угол фотографии закрыт чем-то багровым. Это попал в объектив палец фотографа. Внизу выжженными цифрами указана дата съемки. 15.11. 14:38. Но кто стоит за фотоаппаратом, уже никто никогда не вспомнит.

Витя заткнул раковину резиновой пробкой и пустил воду. Я почуял неладное, но до поры до времени старался не подавать виду. Витя неловко держал меня за шкирку и приговаривал какую-то нелепицу про «спокойствие» и «смелых мальчиков». Я бы на его месте совершил надлежащее без лишних приговорок, они меня только нервировали. Вообще, в моем патроне удивительным образом сочетались крайняя щепетильность, заботливость в намерениях и совершенная неуклюжесть на практике. Вот и сейчас он бесцеремонно бросил меня в раковину, так что я ударился о дно и наглотался воды. Я снова не успел воспользоваться ни клыками, ни когтями. Витя больно чесал меня какими-то щетками, намыливал шкуру едким шампунем с изображением лошади на флаконе, мял меня и всячески мучил. Конечно, справедливости ради надо признать, что я служил настоящим питомником для различных насекомых и прочих мелких гадов. Шампунь «Лошадиная сила» знал свое дело: мои обитатели в спешке разбежались, разлетались и расплозились по сторонам. Кого успевал — я съедал на месте, остальные шли ко дну и там оканчивали свое жалкое существование.

Вода была омерзительна. Она была гадка и противна. От воды хотелось отмыться. Вместе с грязью с меня сходили милые мне привычки, приметы, особенности и черты. Я даже подумал, что у меня стерлось лицо. Наконец я был

извлечен из раковины, тщательно вытерт, высушен и отнесен обратно в комнату. Но мытарства мои не закончились. Витя усадил меня на колени. В пальцах у него сверкнули маленькие ножнички, и он принялся весьма неумело, коряво и, скажем прямо, неталантливо остригать мои когти. Естественно, что, незнакомый с процедурами маникюра, я оказывал агрессору посильное сопротивление. Вотще. Это лишь добавило Виктору спортивной злости и куража. Пару раз он переусердствовал и угодил острием в капилляры. Я завизжал от боли. Но вот что странно: резкой была боль и нестерпимой обида, однако я не мог не сознаться себе, что нахожу место для новых открытий. Ведь это была самая первая боль в моей жизни, как и первое унижение. Скажем так, оскорбительная помывка шампунем «Лошадиная сила» — не торжественный ли это прием, неременная инициация? *Sine qua non*, если позволите. Не это ли. Но зачем мне это все? Зачем? То есть я был призван затушить остатки тлеющего чувства Витюши? Я должен был возместить урон? Но я никогда не хотел согреть чужих охладевших сердец. Да и вообще, что это за привычка? Откуда, из каких шумеров и месопотамий пошла эта глупая традиция заделывать котами душевные бреши?*

До вечера я проспал в корзине и был разбужен криками. Витина мама пришла домой, и Витя представил ей нового квартиранта. Новость не пришлась маме по душе. Нет, она не оценила по достоинству идею сына. Напротив, после короткого затишья разразилась настоящая буря. Начались ругательства и угрозы. Бабушка в это время смотрела в своей комнате сериал. Она сделала звук в телевизоре громче, и к русской ругани теперь добавилась еще и ругань латиноамериканская. На пике скандала послышался звук разбитой посуды — это приказала долго жить любимая мамина кружка.

Я закрыл глаза и приготовился к экстрадиции в родной двор.

Но во двор я не вернулся. Нет, я так и не увидел коробки из-под бананов *Chiquita* и не встретился ни с кем из моих

* Непременное условие (*лат.*).

близких. Я долго думал, почему же хозяйка все-таки согласилась оставить меня дома? Но думы мои были пусты и бесплодны. Мама дошла до крайней степени жалости к себе. Разбитая кружка, так сказать, переполнила чашу ее терпения. Она решила, что пусть в очередной раз все будет именно так, как ей не хочется. Возможно, она слишком привыкла, что в жизни все идет не

Благодаря запретам я смог сделать несколько открытий относительно себя самого. Я не был злопамятен и мстлив. В любой, даже самой опасной для меня ситуации я старался до последнего встать на точку зрения оппонента, оправдать его, докопаться до истоков, обнаружить те импульсы, которые побудили его причинить мне зло/боль/страдание[8].

Я быстро понял, что от меня требовалось: смягчать нравы Пасечников. Правда, если не считать мамы Лены, нравы домашних и так были куда как мягки. Так что, скорее, мне вменялось разводить черные тучи на небосклоне Пасечников, разряжать грозовую атмосферу в доме. Урчать, ластиться, совершать неловкие прыжки (они особенно умиляли моих домочадцев), часто лежать на спине, раздвинув лапы. Я счастливо справлялся со своей миссией.

Миновала неделя. Природа, как говорится, брала свое. Когти мои быстро отрастали. Стричь их Витя так и не научился, а стачивать когти о линолеум — занятие бесперспективное. С развлечением дела также обстояли неважно. Мне, ей-богу, надоело гонять по коридору одну и ту же тапку, оставшуюся еще от деда Артема. А к тапкам в этом доме относились с большим почтением. Можно было отыскать тапку какой-нибудь двоюродной прабабки или сводной сестры деда. В семейном альбоме не нашлось бы фотографии второй жены деверя, зато в шкафу всегда можно было отыскать ее тапки. Как они попадали сюда и почему хранились именно здесь, сказать бы уже никто не смог.

Для тапок был устроен специальный шкаф, сбитый отцом деда Артема (тоже Артемом, к слову). Когда дверца приотворялась, шкаф высвобождал наружу едкие пары гуталина. Для Вити это был запах самого прошлого. Именно гуталин вдохновил Витю связать свою жизнь с историей. Если речь заходила о том, чтобы наконец выбросить тапки

на помойку, со дна Пасечниковых душ всплывало то, что можно было бы назвать моральными принципами. И эти принципы предписывали оставить тапки на прежних местах.

Пары были разрознены. Кому-то недоставало левого или правого товарища. Правая тапка внучатой племянницы покоилась в обнимку с правой же тапкой какой-то тети. Многие из родственников никогда друг друга не видели при жизни, зато вот таким экстравагантным образом могли, так сказать, соприкоснуться тенями, завести знакомство уже после своей кончины. Тапочки с трудом умещались в шкафу. Некоторые умудрялись выбраться из шкафа и потом долго дрейфовали по всей квартире.

Да, игрушек было мало. Мне требовались новые тренажеры. Витя себе это наконец уяснил и однажды пришел домой с покупками. Теперь к моим услугам был широкий ассортимент последних достижений в области котководства:

Мышь лазерная	1 шт.
Мышь механическая на ДУ	1 шт.
Мышь меховая производства IKEA (серая и коричневая)	2 шт.
Голова-газон (мелкотравчатая)	2 шт.
Когтедралка (цилиндрическая)	1 шт.
Когтедралка (плоская)	1 шт.
Шарики резиновые со вкусом мяты	4 шт.

Согласитесь, было чем себя занять. Но из всех игрушек по-настоящему я смог подружиться только с икеевской серой мышью. Я назвал ее Стиллавиною, в честь любимой песни мамы Лены. Ах, если бы она только могла об этом узнать. Уверен, что кусочек ее сердца, отведенный для любви ко мне, тотчас бы оттаял. Да, было что-то в Стиллавиною такое, я бы сказал, располагающее. Что-то выжидательное, безобидное и доверчивое. Глухонемое плюшевое создание. Безмолвный хранитель моих исповедей.

Разумеется, в человеческом жилище я до этого никогда не бывал; большинство устройств я видел впервые в жизни, поэтому их смысл и назначение я усвоил не сразу. Но одно хитроумное приспособление вызвало у меня особый интерес. Это был унитаз. Он завораживал меня. Сверху унитаза выглядел... Хм. А как выглядел унитаз? Скажем так: он был похож на троекратное «О», уменьшающееся в перспективе. Керамика и форма сообщали конструкции невероятные акустические взвешивания мой вес равнялся 3,4 кг. Чувство было такое, будто я сбросил тяжкое бремя, чугунный домоломный шар. Затем чувство облегчения сменилось паникой. Это что, значит — всё? Никогда? Ни с кем? Никакого заваливающего котенка? Инстинкт отцовства, который я, правда, никогда в себе не подозревал, вдруг напоследок протяжно пискнул. О мои тестикулы! Мои бархатные шкапулочки! Мои шерстяные дароносицы! Мои невостреманные сбережения пропали вотще.

Захотел ли я отплатить Витюше сторицей? Нет, не хотел. Мечтал ли возратить ему долг чистоганом? Отнюдь не мечтал. Да, я больше не мог орошать струями стены гостеприимного дома. Ну и что с того? Витя в телефонном разговоре с профессором Василием Олежиком однажды процитировал какого-то немецкого философа. Мне очень понравилась эта цитата: «Все ссущее разумно». А коли так, коли прав немец, то ко мне эти слова относятся в полной мере. Так что буду нести гордое знамя разума, задрав морду к небу и высоко поднимая колени и хвост.

Так проходили мои дни. Каждый день с балкона Дениса Алексеевича до меня доносился заветный мотив L'amogoso. Каждый день я видел своих родных во дворе. Каждый день так же исправно, как и прежде, их подкармливала кассирша Зина, потом расклейщик милостью божией Митя Пляскин и дворник Абдуллох. Так же, как и раньше, по воскресеньям они отправлялись на прогулку к тете Мадлен. Но без меня, без меня.

Дни ускоряли свой ход. Я выросел, я рос и уже давно не помещался в свой банный чайник. Мама Лена стала ко мне добрее и теперь разрешала полежать у нее на коленях, так что я подолгу маршировал по ней широким молочным

Отец остается на месте, но тоже продолжает смотреть в мою сторону. Дочка с мамой останавливаются у перехода и ждут зеленого сигнала светофора. Переходят дорогу. Ускоряют шаг. Девочка с мамой подходят ко мне. Девочка протягивает руки. Тогда я поворачиваюсь и в несколько прыжков оказываюсь на проезжей части. Первый автобус увильнулся от меня. Вторая машина тоже. А вот грузовику уже некуда было деться.

- И что бы ты тогда им сказал?
- Я? Что бы я им сказал?
- Да.
- Не знаю, надо подумать.
- Подумай, ты же у меня такой умный.
- Я бы сказал: привет! Давно не виделись!
- И все?
- Не знаю. Пожалуй, и все.
- Ну, хорошо. Тогда теперь обними меня.
- Так?
- Да, вот так. Пора спать.
- Да, уже поздно. Пора спать.

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений Водолазкин
ДНИ ГРИГОРИЯ

I. Особняк	9
II. Витюша	20
III. То, что было потом	55
IV. Это	111
V. Записи Белаквина	147
VI. Денисовский, 24	155
VII. Село Елохово	175
VIII. Ради чего	225
IX. Приют	320
X. ***	355

Литературно-художественное издание

Григорий Служитель

ДНИ САВЕЛИЯ

Роман

Главный редактор *Е. Шубина*
Литературный редактор *Г. Беляева*
Ведущий редактор *А. Колесникова*
Выпускающий редактор *В. Дмитриевна*
Корректоры *О. Грецова, Н. Власенко*
Компьютерная верстка *Е. Илюшина*

Подписано в печать 26.11.2020. Формат 84x108/32.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16

Доп. тираж 20000 экз. Заказ № 45221.

ООО «Издательство АСТ». Адрес издательства: 129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом.1, 7 этаж

Типография АО «Саратовский полиграфкомбинат». Адрес типографии: 41000, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.